

Санни почувствовал, как холодный пот струится по его спине. Потрясенный змеиным голосом Гунлауга, он испытывал искушение упасть на колени и молить о прощении. Однако он также понимал, что каждый человек в большом зале сейчас испытывает такое же желание.

Каждый здесь совершил нечто такое, что тиран мог счесть преступлением.

Он почти ожидал услышать, как люди начнут исповедоваться в своих грехах, но в этот момент его внимание привлекла странная суматоха у дверей.

Двигаясь с угрожающей решимостью, двое стражников выволокли человека в центр зала и бросили его на пол. Мужчина был одет в лохмотья и болезненно худ, что выдавало в нем жителя внешнего поселения.

Однако под тонкой кожей проступали канаты мощных мышц, а в глазах был гневный, бесстрашный взгляд, отчего мужчина казался гордым и вызывающим. Бросив презрительный взгляд на стражников, он поднял себя с пола и встал, выпрямив спину и высоко подняв голову. На его лице не было ни капли страха. Наоборот, на нем была темная, яростная обида.

Гунлауг посмотрел на храбреца со своего трона и слегка наклонил голову. Чужак скривился, увидев свое отражение в золотой маске, но все же не опустил головы.

«Это чистая сила воли.» — подумал Санни, впечатленный чужаком.

Тем временем голос Светлого Владыки снова зазвучал в большом зале:

— Мои подопечные. Сегодня у нас гость. Этот человек по имени Джубей прибыл к нам из внешнего поселения. Недавно было слышно, как он выдвинул обвинение против одного из моих людей. Как справедливый и благосклонный повелитель, я пригласил Джубея сюда, чтобы он выступил в суде и разоблачил преступника. Мы должны докопаться до сути этого дела! В конце концов, закон — наша единственная путеводная звезда в этом темном мире...

Несмотря на отсутствие психического давления, исходившего от доспехов Гунлауга, Санни все еще чувствовал странное воздействие его глубокого, мягкого голоса. У него даже мурашки побежали по коже. С золотой Памятью или без нее, Светлый Владыка обладал мощной и вкрадчивой харизмой. Его трудно было не слушать.

Но человек по имени Джубей лишь ухмыльнулся.

— Верно. Я здесь, чтобы обвинить одного из твоих головорезов, Гунлауг. Посмотрим, как ты выкрутишься, ублюдок.

С этими словами он поднял одну руку и указал пальцем на группу охотников, наблюдавших за происходящим из своего обычного угла большого зала.

— Вот этот человек, один из ваших так называемых Следопытов, виновен в убийстве. Он убил невинного ребенка самым отвратительным образом. Все эти годы я наблюдал, как вы и ваши приспешники совершали всевозможные мерзкие преступления, но хватит. Сегодня я увижу, как он ответит своей жизнью за то, что он сделал!

По толпе пробежала волна потрясенных шепотков. Обвинять Следопыта — это не то, на что способен здравомыслящий человек. Благодаря своему почитаемому статусу, эти люди были почти неприкасаемыми. И все же Джубей казался неумолимым.

Гунлауг произнес:

— ...Так ли это? Это тяжелое обвинение, Джубей. Пожалуйста, расскажи нам больше.

Человек из внешнего поселения стиснул зубы.

— Этот мерзавец и его люди заманили наивного паренька в свою партию, пообещав ему всевозможные награды и богатства. Они сказали ему, что он станет одним из них и придет жить в ваш проклятый замок. Но на самом деле они просто скормили его чудовищам в качестве приманки!

Он сплюнул на пол.

— Вы смеете называть себя Охотниками, проклятые трусы?! Неужели у вас нет ни капли стыда?!

В большом зале воцарилась тяжелая тишина. Люди теперь смотрели на группу Охотников с мрачными выражениями на лицах. Обитатели замка привыкли притворяться слепыми ко всякого рода злодеяниям, но все эти деяния совершались людьми против других людей.

Чего они не могли простить, так это того, что человек предал другого представителя своего вида кошмарным существам. В Мрачном городе это было равносильно святотатству*.

Гунлауг повернул голову к Охотникам, и те задрожали под его взглядом.

— Это правда?

Самый старший из группы, Следопыт, мрачно посмотрел на Джубея и нахмурился.

— Должно быть, это какое-то недоразумение, мой господин. Мальчик, о котором идет речь, был очень ценным членом моей партии. Мы все возлагали большие надежды на его будущее. Его смерть очень опечалила всех нас.

Его голос был ровным и спокойным. Возможно, даже слишком спокойным.

Джубей зарычал:

— Ложь! Я сам был на охоте в тот день и видел все своими глазами! Я знаю, что ты сделал, ублюдок!

Гунлауг повернулся лицом к воронам и вздохнул. По прошествии некоторого времени он торжественно произнес:

— Какая неприятная ситуация. Похоже, это твое слово против его, Джубей. Что делать, что делать? Я, конечно, всецело доверяю своим храбрецам. Кто может быть настолько неблагодарным, чтобы не доверять этим героям, когда именно они сохранили вам всем жизнь? Конечно, среди вас, мои драгоценные подопечные, нет никого настолько подлого и злого.

Санни затаил дыхание, чувствуя, как его выделяет коварный голос. Леденящая душу угроза, скрытая за этими словами, была не очень тонкой.

Несколько мгновений Гунлауг молчал, обдавая толпу своей гнетущей психической аурой. Затем он отвернулся, давая людям отдышаться, и сказал:

— Но с моей стороны было бы непорядочно играть в фаворитов в таком серьезном деле. А это дело, кхм, оно действительно серьезное. Какая дилемма. Как нам отстоять справедливость, мои подопечные?

В наступившей тишине внезапно заговорил Гемма, лидер Охотников и Следопытов:

— Милорд, позвольте мне сказать. Разве нет закона, который идеально подходит к этой ситуации? Он существует столько же лет, сколько люди живут в этом древнем замке. Я говорю, конечно же, о праве вызова.

Он взглянул на Джубея и улыбнулся:

— Если у этого храброго охотника есть хоть тень сомнения в своем обвинении, он должен уйти. Если нет, он может бросить вызов преступнику и доказать это кровью. Конечно, настоящий преступник здесь — это... я. Как человек, ответственный за этих людей, любое преступление, совершенное ими в роли Охотников, — это моя вина.

Харизматичная улыбка Геммы была широкой и дружелюбной.

— Так как насчет этого, Джубей? Ты уйдешь? Или ты хочешь бросить мне вызов?

Охотник из внешнего поселения некоторое время смотрел на него, его глаза горели яростью и презрением. Наконец, он прошипел:

— Ты думаешь, я боюсь тебя, пёс на привязи? Конечно, почему бы и нет. Я бросаю тебе вызов!

(*П.П: Святотátство — оскорбление, осквернение святыни, язвительные насмешки, издевательство, неуважение к правилам жизни или обрядам христианства. Фома Аквинский видел в кощунстве «непочтительное обращение со священной вещью».)

<http://tl.rulate.ru/book/69326/2134372>